

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

«Велик, скромн, честен и чист, как ребенок»

К пятидесятилетию со дня смерти Всеволода Вячеславовича Иванова (1895—1963)

(Окончание. Начало в предыдущем номере)

Есть свое «тайное тайных» у каждого из членов семейства Гедеоновых, попавшего в сети накопительской страсти старшего брата Осипа Осиповича — из рассказа «Листья». Но и сам Осип Осипович ощущает себя невольником случайного стечения обстоятельств; вовсе «не ему, а серебряной сахарнице» дано распорядиться ходом жизни его семьи: «... вот купил года два назад сахарницу, купил случайно, а после этого как-то произошло...» Тяжкое сомнение в своей правоте распорядиться судьбами других возникает у героя еще и потому, что «он ничего не знает о себе». И именно «тайное тайных» становится побуждением к неожиданному для всех поступку епископа Валентина, отказавшегося от светлой мечты о личном счастье и наследстве свое горькое счастье в служении голодной и разоренной революцией пастве. Именно в рассказе «Счастье епископа Валентина» и появилась эта художественная формула, ставшая названием целого цикла: «Какая пустыня, какое одиночество... И как тяжело жить, если счастье человеческое состоит в том, что ты не смеешь судить мир, не имеешь силы убежать от мира и должен подчиняться тайному тайных земли, малую каплю которой знают мужики...»

Не удивительно, что у «неистовых ревнителей» революционного искусства появились веские основания упрекать Вс. Иванова в отступлении от «столбовой дороги пролетарской литературы», в «ненужном следовании Фрейдю, Бергсону». С невероятной силой обрушилась критика на повесть «Особняк» (1928), обвинив писателя в сочувствии мещанству, убеждении в его непобедимости, неуязвимости, неискренности. Сегодня при спокойном, что называется, «медленном чтении» нетрудно убедиться, что не так уж и далеки от истины были пролеткультовские критики. Писатель действительно не подвергает своего героя убийственно-изничтожающей критике, скорее дает понять, что все его действия и поступки спровоцированы духом времени, официальной политикой власти. Только что удовлетворивший свою воледеленную мечту — иметь особняк со старинной мебелью, он становится скорей жертвой казуистически понятой революционной справедливости по принципу «отнять и поделить» и сопутствующей ей политике «уплотнения», известной читателю по многим произведениям тех лет, например, повести М. Булгакова «Собачье сердце»: вот «князь Б. живет в громадном доме из тридцати комнат, в то время как пролетариат заводов...» И однажды, когда «Ефим Сидорыч вместе со своей семьей и друзьями пил чай», раздался звонок: «Перед Ефимом Сидорычем стоял комиссар Иван Григорьевич Петров, дальше виднелись красногвардейцы и матросы с револьверами и бомбами...» Загнанный в угол самоуправством властей, растерявшийся в водовороте политических страстей, хозяйственной разрухи и бытовой неустроенности, «уже не зная, в чем заключается его правизна: в монархизме ли, в буржуазной ли республике и во власти ли вообще, а может быть, вообще в торжестве злости», в отчаянной попытке вернуть свою собственность он вступает на путь мести своим обидчикам — всем по очереди сменявшимся хозяевам особняка и мстит самым испытанным тем временем способом — доносом в Чека. В повести возникает зловещая картина цепной реакции «торжества злости» и несправедности. Наивный мещанин Ефим Сидорыч до конца повести пребывает в убеждении, что это вследствие его активных действий подвергаются расстрелу один за другим причастные к судьбе его особняка люди: расстреляны великий князь Б., «вдруг вспомнилась расстрелянный Голофеев», «комиссара вызвали в партийный суд... и отправили комиссара на север»; временами по этому поводу он даже «чувствовал в себе огромный стыд и смутение»: «мертвых и без того хоть отбавляй». Герою не дано понять, что дело не в его личной «злости» на революционную власть. В действии выступает объективный, суровый и неумолимый, закон революции: революция начинает

безжалостно пожирать своих собственных детей! И не дано ему знать, что «есть у революции начало, нет у революции конца».

Писатель находится в непрерывных поисках новых средств и путей изображения революционной нови, углубления в происходящие в ней процессы, не отказываясь и от таких испробованных мировой литературой форм как детектив и плутовской роман, дающие возможность подтекстовым, «обходным маневром» проникать в глубины жизни. Так появляются детективная повесть «Возвращение Будды» и повесть с элементами фантастической магии и плутовского жанра «Чудесные похождения портного Фокина».

Попавший в сети ловкого авантюриста Дава-Дорджи, то ли белого офицера, то ли переодетого ламу, петроградский профессор истории Востока Сафонов командирован сопроводить позолоченную статую медного Будды от самой столицы до границы с Монголией, дабы передать священную реликвию в руки ее законного владельца — монгольскому народу. Еще в Петрограде томясь догадкой о нечистых помыслах руководителя экспедиции, выдающего себя за гыгэна, т.е. основателя буддийского монастыря в Монголии, обессиленный непонятными тяготами жизни в революционной столице, когда съедена последняя картошка, а прожорливую и нещадно фыркающую пеплом буржуйку приходится топить рукописями и книгами, профессор, не столько руководствуясь принципами буддизма, сколько инстинктом самосохранения, отваживается на неведомое: «тут ли не поехать профессору: в командировке выдадут продукты, усиленный паек...» С этого момента детективную интригу постоянно теснит изображение тяжелых реалий русской жизни, сотрясаемой революцией. Собственно, главное содержание повести и составляют дорожные злоключения медного, покрытого позолотой Будды, и живых людей, негарантированность судьбы которых символически определяется движением поезда: «Поезд идет с длинными остановками. Кондуктора — в черных тулупах, и днем, и ночью с зажженными фонарями; вагоны длинные и темные, как гробы. Рельсы визжат и рвутся — говорят о взрывах. На поездах охрана, — каждую ночь перестрелки с бандитами. Если зеленые задержат поезд, то коммунистов ставят налево, беспартийных путешественников — направо. Левых расстреливают тут же у насыпи».

Виталий Витальевич думает: «Куда же поставят меня?»

— Узнаете в свое время, — говорит Дава-Дорджи.

От смутных догадок о планах авантюриста Дава-Дорджи профессор переключается на общие суждения о современном мире, ведущем опасные игры с общественным устройством на Земле: «авантюризмом наполнена вся земля», а от этой глобальной мысли снова возвращается к ситуации в России: «Будет ли что-нибудь выдвинуто в противовес этой неорганизованной тьме, этому мраку и буре. Неужели такое же убийство, как и у них? Генералы будут вешать, расстреливать коммунистов... Коммунисты будут восстанавливать и расстреливать генералов, и колокола будут звонить все меньше и меньше... Дава-Дорджи, для чего нам даны сердца?»

Пока же жертвой поразившего страну глобального хаоса рискует стать каждый, не только человек, но и сам Бог. Оставлен умирать в песчаной пустыне забитый палкой профессор, снята позолота с Будды, отсеченные злодеями «золотые пальцы» его мчатся неизвестно куда... Куда теперь Будде направить свой путь?

Потому что — одно тугое, каменное, молчаливое, запахами земли наполненное небо над Буддой. Одно».

Трудно не заметить, что написанное в годы революции, бездумным приятием революционной действительности в отличие от многих других произведений тех лет повесть «Возвращение Будды» не отмечена, и та же, скорее вопросительная, чем утвердительная интонация слышится в повести «Чудесные похождения портного Фокина» (1924). Покинув родной Павлодар в поисках места на зем-

ле, где представилось бы возможным шить не военную, а «статскую» одежду, не комиссарские френчи — «внизу большущие карманы, такие большие, что во всю полу, — для мандатов» — а модное платье, талантливый портной, пройдя через всю Россию, тайно пересекает границы Польши и Германии и, побывав во многих чудесных переделках, выдает немало нелицеприятной правды о наступившем времени.

Что же открывало писателю возможность отважиться на опасную в тех условиях правду и миновать цензурные препоны? Главный ответ следует искать в выборе героя, чей характер позволял автору не афишировать свою позицию, а представлять ее в скрыто-подтекстовом виде. Герой с задатками, замашками и повадками плута, авантюриста, склонного к похождениям и приключениям, в значительной мере снимал с автора ответственность за его суждение об окружающем мире. Об особенностях такого героя, восходящего к глубинным традициям русской и мировой литературы, писали Д.С. Лихачев, В. Шкловский. М.М. Бахтин, характеризуя тип героя плута, отмечал такую его особенность, как «быть чужим в этом мире: ни с одним из существующих жизненных положений этого мира они не солидаризируются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения». Черты такой выключенности из окружающего мира, деклассированности, асоциальности, позволяющие рубить правду-матку, просматриваются и в поведении героя «Особняка», равно как и в высказываниях профессора Сафонова, надолго оказавшегося обитателем теплушки. Попутно заметим, что образ Остапа Бендера, классического плута и главного «похождения» советской литературы, вошел в нее много позднее — уже в конце 20-х годов.

Эти две повести — «Возвращение Будды» и «Чудесные похождения портного Фокина» наглядно раскрыли те стороны особого таланта Вс. Иванова, которые с наибольшей полнотой художественной силы и выразительности проявились в жанре похождения, хроникально открытого повествования, свободного от строгих правил сюжетно-фабульного нарратива, и открыли прямой путь к главной книге — «Похождении факира». Ею и открывается творчество Вс. Иванова 30-х годов. И уже нельзя было не ощутить в ней не только традиций приключенчески-плутовского жанра, но и рыцарской — в духе хитроумного и благородного идагьо Дон Кихота — страсти к путешествиям-странствиям с целью познания мира, самовоспитания и утверждения добрых и светлых надежд на земной путь человечества.

Однако суровое и тревожное время препятствовало намерениям писателя и далее погружаться в духовные искания «юноши начала XX века», с адамистической чистотой и непосредственностью воспринимавшего ход исторических событий. От писателей настоятельно требовали активного участия в текущем литературном процессе в духе беззаветного служения текущим интересам времени. Выдержать проверку небывалой новизной было под силу не каждому, многие писатели эмигрировали за границу, многие предпочли ей внутреннюю эмиграцию: ушли в детскую литературу, исторический роман, переводческую работу... Характер Вс. Иванова исключал игру со временем, он вышел навстречу с открытым забралом: так появились в начале 30-х годов его первые романы о современности — «Кремль» и «У». Но написать произведение тогда уже не значило быть изданным. Чем более укрепилась советская власть, тем более непримиримой становилась власть цензуры, и губительную силу ее Вс. Иванов изведать в полной мере. Только незначительная доля написанного оказывалась доступной читателю, превращалась в реальность современного литературного процесса, большая часть литературной работы уходила, что называется «в стол», становилась достоянием семейного архива или госхрана. Одно перечисление «умерщвленных» цензурой книг талантливейшего писателя способно привести в изумление, вызвать настоящее душевное потрясение.

Роман «У» пролежал без движения почти 60 лет, будучи изданным лишь в 1988 году; «Кремль» увидел свет в 1981 году в издательстве «Художественная литература»; по-смертно опубликованы в 1966 г. «Вулкан» в журнале «Сибирские огни» №6, в 1968 г. — «Эдесская святыня». «Даже великолепная книга «Мы идем в Индию», — вспоминает А. Крон, — претерпела немалые мытарства, прежде чем нашла приют в журнале «Советский Казахстан» (ныне «Простор»), где и была впервые напечатана пятитысячным тиражом, уже в 80-е годы. Мало кто знал, сколько изданных рукописей хранится в недрах рабочего кабинета писателя». И сам писатель, сетуя жене — Т.В. Ивановой на незадавшуюся участь романа «Проспект Ильича», не без горькой иронии над своей писательской судьбой замечает: «Разве мало у меня ненапечатанного? Подумаешь! Ничего не стоит...»

Стоило это, конечно, много. В свое время и читатель недополучил законную долю духовной пищи, и литературный процесс в целом представлял в насильственно обедненном виде, в конечном счете и история русской литературы выглядит в несоответствующем ее реальному содержанию образе.

Конечно, страдательной стороной цензурной бдительности явился не один Вс. Иванов — многие произведения Леонова, Платонова, Булгакова и др. дошли до читателя спустя целые десятилетия после написания, но по сравнению с писательской судьбой Вс. Иванова редко чье творчество способно вызвать такое тяжелое ощущение непрочитанности, неполноты художественной и духовной явленности как российскому, так и мировому читателю. Менее стойкого духом человека всего лишь один факт такого остро драматического поворота творческой жизни мог бы привести к душевному надлому, вытолкнуть из рабочей колеи, но философский склад сознания, факирская фактура личности в совокупности с богатством жизненного опыта и редкой глубины эрудицией писателя равносильно противостояли напору социальных обстоятельств. Его творческая энергия находила выход в более спокойной восприимчивых цензурой жанрах: регулярно появляются полные живых и глубоких наблюдений очерки по следам многочисленных поездок по стране; в годы Великой Отечественной войны он отдается публицистике; вызывают живой интерес его мемуарные произведения, в частности, «История моих книг»; по его сценариям идут фильмы «Пархоменко» и «Ломоносов»... и продолжится неутомимая работа «в стол». И последний роман Вс. Иванова «Художник», работа над которым не прерывалась с 1949 года, тоже вышел посмертно — в 1966 году. В юбилейные дни хочется сохранить надежду, что издатели и историки литературы исправят ошибки времени, и большой национальный писатель предстанет, наконец, перед читателем в добротном издании сочинений и достойном их подлинной сути филологическом осмыслении. И было бы несправедливо не сказать сегодня, что имя Всеволода Иванова значимо в российской культуре не только благодаря богатству литературного наследия, но и уникальностью личности, что наложило неповторимо яркий отпечаток на всю мемуарную литературу о нем. Он поражал современников силой личного излучения, магнетической неподдельностью чувств, высказываний, поступков, подтверждающая незыблемость истины: «нельзя быть большим писателем и маленьким человеком».*

Л.П. Якимов, д. филол. н., главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, А.П. Деревянко, академик РАН

* Крон А. Большой писатель, большой человек. В заглавии статьи — слова казахского писателя Каюма Мухамедханова.

Статья написана в рамках интеграционного проекта СО РАН №53 «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования (совместно с ИИ и А УрО РАН)».